Европейская безопасность после ДРСМД: найти правильные стимулы

Евгений Прейгерман

Резюме

2 августа США официально вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) – одного из ключевых соглашений времен поздней Холодной войны. Вслед за ними аналогичное решение приняла и Россия.

Опубликовано в Global Brief

Историческое значение документа сложно переоценить: он впервые ликвидировал целый класс ракет, а также стал одним из символов окончания биполярного противостояния и начала нового периода в международных отношениях. Три десятилетия договор лежал в основе концепции стратегической стабильности, обеспечивая возможность гарантированного ответного удара, что в целом делало бессмысленным применение ядерного оружия. Поэтому и фактическая ликвидация договора может стать символом наступления уже другого периода.

> Очевидно, что при всей его исторической значимости и уникальности ДРСМД устарел.

Он накладывал серьезные обязательства на США и Россию, но при этом никак не ограничивал Китай и многие другие обладающие ядерными или серьезными конвенциональными потенциалами государства. Понятно, что в таких условиях рано или поздно вопрос о его пересмотре или отмене был неизбежен. Но главная проблема в том, что на смену ДРСМД не приходит какой-то более современный и эффективный механизм. Наивно рассчитывать, что Пекин откликнется на призывы присоединиться к расширенному формату договоренностей по ракетам с характеристиками, которые имеют ключевое значение для безопасности КНР.

В результате отказ от ДРСМД стал реакцией на вакуумы в глобальных режимах, но одновременно создал дополнительные вакуумы и усилил существующие. Тем более, что все это происходит на фоне растущей военно-политической напряженности в разных частях планеты, в том числе на евро-атлантическом и евразийском пространствах. То есть в сегодняшней международной динамике проблема ДРСМД способна, скорее, вызвать эффект домино, а не ускорить достижение новых договоренностей.

Особое негативное значение все это имеет для Европы. Уже состоявшимся фактом можно считать возврат в европейскую жизнь гонки вооружений. При этом сами европейские страны могут не предпринимать никаких действий, но все равно ощутят подзабытые «прелести» этого явления.

Во-первых, европейские столицы могут вновь оказаться под прицелом ракет среднего и малого радиуса действия (с ядерными и обычными боеголовками), если подписанты ДРСМД не ограничатся выходом из него и начнут размещать вооружения. А это вернет европейское сознание в психологически очень дискомфортную зону худших времен Холодной войны.

Во-вторых, неизбежно появляются сомнения относительно взаимных оборонных обязательствах: насколько европейцы могут быть уверены, что США точно выполнят свои гарантии и обязательства в случае любого конфликта на европейской территории?

В-третьих, даже если исходить из того, что большая война в ядерную эпоху маловероятна, то повышается вероятность выплеска эскалационной энергии в виде локальных конфликтов и точечных столкновений. Это явление известно в теории международных отношений как «парадокс стабильности-нестабильности» (stability-instability paradox). А на практике для Европы это может означать: разморозку конфликтов, которые казались замороженными; нестабильную интенсивность «тлеющих» конфликтов; возникновение новых конфликтов (необязательно с использованием военной силы); а также постоянную опасность внезапного и неконтролируемого перерастания инцидентов и неверно интерпретированных угроз в кризисы.

При этом формально ДРСМД не прекращает своего существования. Да, из него вышли два ключевых участника – США и Россия – которые до сих пор контролируют львиную долю ядерных вооружений в мире. И это практически равносильно смертельному приговору для документа. Но все же он продолжает действовать для остальных стран-участниц, пока не объявивших о собственном

выходе. И это, очевидно, подсказывает направление возможных действий для минимизации последствий решений Вашингтона и Москвы – не размещать ракеты средней и меньшей дальности на территориях, которые покрывал ДРСМД.

К этому уже призвали несколько государств. В частности, Беларусь сделала одностороннее заявление о том, что не станет производить и размещать такие ракеты, если другие государства не будут направлять аналогичные вооружения на саму Беларусь. Минск предложил и другим странам следовать этой логике, подписав международную декларацию о неразмещении.

> Также очевидно необходимыми являются меры по укреплению доверия и безопасности, как в рамках Венского документа, так и более амбициозные.

Поэтому важно инициировать и поддерживать любые идеи в этом направлении, исходящие от отдельных государств и международных организаций.

Однако при всей очевидной важности таких мер нельзя не признать, что сейчас все они являются элементами кризисного управления и минимизации негативных последствий от уже принятых решений (damage control). Их успешное применение снизит наиболее опасные риски, но не решит системных проблем, которые стали первопричинами. Сегодня эти меры не могут ликвидировать стимулы, которые в итоге раскручивают спираль безопасности в Европе, особенно с учетом естественной сложности верификации выполнения некоторых обязательств.

Поэтому также нужны решения другого типа. На различных экспертных и дипломатических площадках дискуссия, как правило, сводится либо к необходимости вдохнуть жизнь в уже существующие механизмы безопасности и меры доверия, либо разработать новые. Опять же: важность этой работы очевидна. Но также очевидно и то, что концентрация на институциональных механизмах едва ли позволит выйти из колеи, которая и привела к имеющимся проблемам. Если на здании образовалась трещина, то, закрасив ее краской, мы не решим проблему, а лишь спрячем на время.

Примерно так и здесь.

> Корень сегодняшних проблем европейской безопасности (в том числе и в контексте ДРСМД) – структурный.

Структура задает стимулы поведения государств, которые нельзя изменить с помощью институциональных решений. Для изменения или корректировки стимулов нужны структурные решения.

Обычно структурные решения следуют за уже произошедшими структурными изменениями. Другими словами, такие решения закрепляют уже существующий (и соответствующе воспринимаемый) баланс сил, потенциалов и интересов. И уже на основании этого структурного баланса выстраивается работающее институциональное оформление архитектуры безопасности.

А могут ли быть работающие структурные решения в условиях, когда система только выходит из прошлого баланса и начинает искать новый? Пожалуй, только временные. Но и они в ситуации увеличивающихся вакуумов безопасности могли бы иметь большое значение для европейской безопасности. По крайней мере, если бы лишали противостоящие государства и военные блоки стимулов повышать градус напряженности.

Евгений Прейгерман
директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»